

Культура. - 1992. - 8 февр. - с. 10.

Последняя любовь

Белградский писатель, драматург и художник Момо Капор — безусловно, явление в сербском искусстве. Хотя официальная критика его долго не очень-то привечала из-за независимости суждений, в том числе и на счет власти предрержащих, книги М. Капора, не успев появиться в магазинах, становились бестселлерами. Вероятно, по этой же причине — за острый язык — не жаловали его и в нашей стране. Зато в Англии, Германии, Швеции, Польше и других странах переводили. А коллекционеры считают за честь приобрести его картины.

К мнению этого талантливого и мудрого человека прислушиваются многие. Особенно сейчас, когда, как и сто лет назад, решается судьба его родины.

— Момо, отчего такая сложность ситуаций!

— И тогда, и сейчас Россия была заложницей ситуации. Сто лет назад черногорский князь и поэт Никола I Петрович Негош в своих мемуарах записал: «Россия, наш старый друг, охладела к нам, становится все более равнодушной...». Однако политическими расчетами занимались при дворе, а русский народ пришел на помощь сербам и черногорцам в войне против османов.

В Европе тогда царил мир, Штраус писал вальсы, Достоевский — романы, а на Балканах лилась кровь. И никто, кроме русских, не услышал наше горе.

Сегодня России, чтобы самой выйти из кризиса, приходится идти на уступки Западу, рассчитывая на так необходимую ей помощь. Мы это понимаем, но переживаем с болью в сердце.

— То есть вы хотите сказать, что история повторяется!

— Да. Я думаю, что в русском народе есть сила, не зависящая от сиюминутных политических или идеологических интересов. Это, знаете, как подземные воды, которые стре-

мятся на свободу, разбивая бетон... Мы, сербы, верили и верим в эту силу, верим в поддержку русского народа в нашей борьбе за справедливость.

— Некоторые квалифицируют конфликт в Югославии как столкновение сербского неомарксизма и догматизма с хорватской демократией.

— Абсурд! Несмотря на коммунистический режим, в бывшей Югославии никогда не было больше свобод, чем в последние годы. У нас идет другая война — двух различных миров, культур и цивилизаций. Она идет на границе, разделяющей католицизм и православие, но это не только война двух религий. Хотя для уничтожения православия католицизм заключил союз с исламом. Еще сто лет назад сербы защищали эту границу от Османской империи с помощью русских.

— Вы видели войну!

— Эта — уже вторая, которую я переживаю. С первой я столкнулся в апреле 1941 года. Тогда во время налета фашистской авиации в наш дом в Сараеве попала бомба. Мать успела закрыть меня своим телом и погибла. Осколок убил и котенка, которого я держал.

Моими первыми игрушками были стреляные гильзы.

— На той войне все было ясно: тут свои, а там агрессор. Какое будущее ждет Югославию в наши дни!

— Впервые не знаю, что ответить. Но правда должна победить. Зло не может победить добро. Иначе мир перевернется.

— И последний вопрос. В вашей новелле старики говорят о Горбачеве. Признайтесь, вы придумали этот ход!

— Это чистейшая правда. Такую ситуацию не выдумаешь.

Прочитайте маленькую зарисовку Момо Капора. Она скажет вам больше, чем это интервью.

Юрий АРСЕНЬЕВ.

Сергей ГРЫЗУНОВ.

(Соб. корр. РИА «Новости» — специально для «Культуры»). БЕЛГРАД.

Несколько лет тому назад судьба занесла меня в горы над городком Алексинцем, в маленькую деревеньку Горњи Адровац, где мне показали заросший бурьяном окоп, в котором 20 августа 1876 года в бою с турками погиб русский полковник Николай Николаевич Раевский!

Я лежал в высокой траве в царстве кузнечиков как раз на том самом месте, где, будучи смертельно раненным шрапнелью в голову, ушел из жизни дворянин, который послушал Толстому «моделью» для создания образа Вронского — любовника несчастной Анны Карениной.

Там, где в романе завершается жизненный путь Анны Карениной и начинается новая жизнь Вронского, он исповедуется своему приятелю:

— Я, как человек, тем хорош, что жизнь для меня ничего не стоит... Я рад тому, что есть за что отдать мою жизнь, которая мне не то что не нужна, но постыла. Кому-нибудь пригодится.

И пригодилась...

В десяти метрах от окопа на возвышении стоит чудесная церквушка, которую графиня Екатерина Николаевна Раевская построила в 1903 году в честь погибшего брата.

До чего часто повторяется история! Несмотря на жесткие и буквально ультимативные требования великих не воевать с Турцией, Сербия со своим менее чем полуторамиллионным населением противостояла турецкой империи, насчитывавшей в то время около сорока миллионов подданных. Тогда сербы не нашли на Балканах ни одного союзника! Но в Сербию пришли русские добровольцы. Среди профессиональных военных, славянофилов, фантазеров, героев, искателей приключений и просто безумцев приискал на коне и полковник Раевский со своей еще незалеченной любовной раной. Все эти люди пришли на помощь маленькому православному народу, который решил постоять за свою честь.

В мае 1876 года в Белград прибыл посланник славянских комитетов Михаил Григорьевич Черняев. 15 мая он был принят в сербское гражданство и произведен в чин генерала. 18 июня было объявлено о начале войны, а двадцатого прогремели первые залпы.

Лев Толстой отмечал в «Анне Карениной»: «...В это время ни о чем другом не говорили и не писали, как о славянском вопросе и сербской войне... Резня единоверцев и братьев славян вызвала сочувствие к страдающим и негодование к притеснителям. И героизм сербов и черногорцев, борющихся за великое дело, породило во всем народе желание помочь своим братьям уже не словом, а делом».

«Три десятка русских и столько же черногорцев объединились в августе под командованием русского Кириллова — так называемый «отряд пластунов», — писал в прошлом веке в «Дневнике одного добро-

вольца» Перо Тодорович. — Этот отряд имел черное знамя с черепом и перекрещенными костями, и назывался «Легионом смерти»...».

Этот основоположник сербской журналистики даже в самом сладком сне не мог увидеть Раевского, прибывшего из некоего еще ненаписанного романа, которому была уготована участь покорить мир. Взяв на свои плечи тяжкую судьбу проклятого изгнанника, он прибыл из петербургских дворцов, освещенных мириадами роскошных свечей, на зеленую землю Сербии. Он знал, что уже никогда не вернется на берега Невы...

Что делал он в передышках между боями или походами?

Лежал ли под ветвистой липой и глядел в небо, пока вокруг него в промежутках между пушечными залпами слышался приглушенный топот пасущегося рядом стада? Пил ли турецкий кофе в какой-нибудь старенькой кофейне в Алексинце, который в то время выглядел как настоящий восточный городок? Искал ли он спокойствия в синеватых тенях монастыря Святого Романа XII века, в котором монахи молились за упокой сербских и русских душ? Не напоминал ли ему лик Богородицы на фресках в монастыре Святого Стефана глубокий взгляд чьих-то черных очей, напоминающих очи Анны Карениной?

Все это навеки останется тайной.

Утром 20 августа 1876 года, умывшись и надев военную форму, полковник Раевский подарил свои золотые карманные часы денщику. Тот удивленно спросил, почему он отдает такую драгоценность? Раевский ответил, что часы ему не будут нужны. И в тот же день отбыл туда, где время непредсказуемо.

Он пошел к окопу навстречу своей смерти, которая неслась к нему вместе со шрапнелью...

Культура. - 1992. - 8 февр. - с. 11

Вронского

Его отвезли на пушечном лафете на возвышение, где он и умер через несколько минут, окнуив последним взглядом бескрайнее летнее небо, на котором то тут, то там вспыхивали разрывы гранат, оставляя после себя маленькие белые облачка. В тот момент казалось, что и сербы, и турки орудийными залпами отдадут последние почести несчастному дворянину и его погубленной жене.

На том самом месте, где осталась офицерская фуражка полковника Раевского, вырос храм Святой Троицы из красного и белого мрамора.

Перед церковью стоит маленький скромный крест, основание которого поросло мхом. На нем написано:

«Русский полковник Николай Раевский погиб на этом месте в борьбе с турками 20 августа 1876 года».

...Я сидел в прохладе тенистой липы со старожилыми из близлежащих домов. Они хранят в своих сердцах последнюю память о Раевском. Они принесли с собой домашнюю ракию, и вся эта картина около могилы напоминала поминки в честь какого-то давнего родственника.

Мы пьем за упокой души русского полковника, переселившегося в историю литературы XIX века.

Сербия была его последней любовью...

По православному обычаю, прежде чем осушить чашу, проливаем несколько капель на землю. Эти капли сверкают в траве, как слезы Анны.

Это прекрасный, хотя и бедноватый край. Дома дряхленькие, убогие, покосившиеся. Старики в поношенной, залапанной одежде угадают меня дешевыми сигаретами, ракией и домашним сыром, расстелив на траве платок.

В этом краю в последние годы ходит легенда, которую шепотом поведал мне один старик, сломленный бедами и невзгодами. Он поведал див-

ную тайну, которая помогает им вынести нищету, здесь, в этих краях, где нет хороших дорог, магазинов, бензоколон, нет даже места, где могли бы найти пристанище случайный путник.

— Знаешь ли ты, молодой человек, — обратился ко мне старик, для которого я всегда буду молодым, — Горбачев-то правнук этого полковника Раевского! Родной правнук! Ну простой, самый родной. Понимаешь! Лично Горбачев, именно он!

И он, понимаешь, придет сюда, в Горњи Адровац, правда, пока не пришел. Построит здесь хорошую дорогу, бензоколонку, мотель, магазин, все-все, что необходимо. Придет, чтобы посмотреть, где лежит его прадед по материнской линии... Кровь людская — не водица!

И снова я шагаю к Святой Троице. Что-то влечет меня туда, вон под ту липу. Хочется сфотографировать деревья, их позлащенные осенние кроны... Сербия опять одинока, еще более одинока, чем в 1876 году.

Зажгу свечу Раевскому. Уважаемый Михаил Сергеевич! Как мне сказать этим бедным старикам, кое-кто из которых уже умер с этой своей надеждой, что вы не потюмок полковника Раевского, что ничего подобного не было?

Перевод

Ю. АРСЕНЬЕВА
и С. ГРЫЗУНОВА.

P. S. На днях мы узнали, что в Москву направляются писатель Иван Маркович и режиссер Драган Кресоя. Они продолжают переговоры о съемках совместного фильма, посвященного судьбе полковника Раевского. Съемки предполагается проводить на территории Югославии и России. На роль Раевского думают пригласить одного из американских актеров.